

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОДРОСТКОВ ИЗ НЕПОЛНЫХ СЕМЕЙ

Сравнивается степень выраженности психологических характеристик, как осознанных (выявленных при помощи опросников), так и неосознанных (выявленных при помощи проективных тестов), в полных и неполных семьях. Показано приоритетное значение психологических составляющих семейного воспитания (представления подростков о воспитательных тактиках матери) по сравнению с формальным типом семьи.

Ключевые слова: психология семьи; неполная семья; психология развития.

Исследования по психологии семьи носят массовый характер как в нашей стране, так и за рубежом. Также неуклонно возрастает интерес к неполной семье как предмету психологического исследования. С сожалением приходится констатировать, что исследования неполных семей идут в отрыве от психологии и социологии семьи. Цель данной статьи – рассмотреть тенденции развития психологии и социологии семьи, вписать исследования неполных семей в контекст семейной психологии. Для реализации поставленной цели мы рассмотрим определения семьи, современные тенденции развития семьи, функции семьи в целом и каждого из родителей, собственно исследования неполных семей.

В самом определении термина «семья» уже кроются указания на возможные пути исследования. А.И. Антонов дает следующее определение: «Семья – это основанная на единой общесемейной деятельности общность людей, связанных узлами супружества-родительства-родства, и тем самым осуществляющая воспроизводство населения и преемственность семейных поколений, а также социализацию детей и поддержание существования членов семьи» [1]. В этом определении делается строгий акцент на социальных функциях семьи. В нем ничего не говорится о семье как особой психологической единице. Такой акцент делают представители подхода системной семейной психотерапии. Так, А.Я. Варга определяет семью следующим образом: «Семейная система – это группа людей, связанных общим местом проживания, совместным хозяйством, а главное – взаимоотношениями» [2. С. 6]. Но даже в этом определении первостепенное внимание отдано хозяйственной функции семьи. Соответственно, следуя логике стандартных определений, мы должны были бы при построении исследования, посвященного особенностям неполной семьи, в первую очередь делать акцент на проблемах социализации, хозяйственных проблемах и т.д. Структура семьи, в которой мужчина добывает пропитание, а женщина делает ежедневную домашнюю работу и заботится о детях, сохранялась примерно до начала XX в., и именно для нее характерны приведенные определения. В первую очередь семья существовала для реализации хозяйственных функций. Отсутствие в семье большого количества членов и единоначалия неминуемо привело бы к физической гибели.

В наше время семья во многом уже теряет свою хозяйственную и социализирующую составляющую. Современные международные социологические исследования указывают, что семья как социальный институт прекращает свое существование. Число незарегистрированных браков неуклонно растет. Также нередки в последние годы такие нетрадиционные формы супру-

жества, как гомосексуальные браки или свингер-отношения. Несколько иначе выглядит эта ситуация в России. Несмотря на то что наша страна находится в русле мировых тенденций (число разводов и гражданских браков крайне высоко), семья является значимой и стабильной ценностью для россиян. Что именно будет называться «семьей» в XXI в., пока сложно сказать. Однако представляется необходимым подчеркнуть важность исследований, направленных на изучение именно психологических составляющих семейных отношений, т.к. они остаются несомненными в любой форме существования семьи.

Каждый из родителей оказывает влияние на развитие ребенка. Большинство исследователей, особенно в России, делают акцент на изучении взаимодействия матери и ребенка. В контексте исследований неполных семей интерес представляет также и влияние отца на развитие ребенка. Н.Е. Харламенкова указывает на то, что «существующие в обществе стереотипы относительно мужчины-родителя подчас искажают и нивелируют его роль в воспитании ребенка» [3]. Основной стереотип, на который мы уже указывали, возник из истории семьи как института: отец является добытчиком, мать – воспитателем детей. Ошибочность такой недооценки воспитательной роли отца в наше время очевидна. В психоаналитической традиции указывается на отца как вторичного объекта, возникающего в жизни ребенка относительно рано. Если в первые месяцы жизни ребенок фактически находится в симбиотических отношениях с матерью, то позднее возникает различие матери и отца. Возникают тройственные отношения (триангулирование). Соответственно в качестве основной функции отца выделяется разрушение симбиотической связи с матерью и выделение дополнительного объекта для канализации агрессии. Кроме того, различие ребенком матери и отца дает положительный пример отношений без симбиоза. Более современные исследования показывают, что роль отца не столь однозначна и зависит от пола ребенка. Н.Е. Харламенкова в своем исследовании изучает влияние отца на становление гендерной идентичности подростков и выделяет полоспецифические особенности данного влияния [3]. По ее мнению, специфическое влияние отца на внутренний мир подростка является существенной детерминантой принятия той или иной гендерной идентичности. Не оценивая мальчиков как определенно маскулинных или фемининных, отец, тем не менее, формирует у сына черты мужественности. Отец создает ситуации, в которых успешность сына определяется его мужественностью. Для девочек отец является проводником ранее недоступной информации, «активно поддерживает дочь в построении новых отноше-

ний, прежде всего с людьми другого пола» [3]. Таким образом, можно сделать вывод о разнообразном влиянии отца на становление гендерной идентичности подростка.

Исследованиям различных психологических и социальных особенностей неполной семьи посвящены многочисленные работы зарубежных авторов. В целом можно выделить два крайних методологических подхода: предельно статистический, распространенный преимущественно в США и некоторых странах Европы, и подход, отрицающий работу со статистикой вообще, развиваемый в первую очередь в работах европейских психоаналитиков.

Интересно отметить, что несмотря на абсолютно разные методологические и исследовательские предположения, различные авторы приходят к очень близким выводам, среди которых ключевыми являются:

1. Решающее значение психологических, а не формальных признаков для психологического и социального благополучия детей в будущем. Это подчеркивают представители и статистического, и психоаналитического подходов.

2. Незначительность отличий между детьми из полных и неполных семей. Мета-анализ, проведенный П. Амато [4], показал, что различия имеются, обобщенные графики распределений психологических показателей у детей из полных и неполных семей несколько сдвинуты, но непересекающиеся области относительно малы.

3. Ответ на вопрос: в чем именно заключается долгосрочное влияние развода родителей на психологическое развитие детей? Сторонники как статистического, так и идеографического подходов склонны указывать на наличие более низкой самооценки («более бедного представления о себе», в терминологии Амато [4], и «проблемы с чувством собственной полноценности» в терминах Г. Фигдора [5]); сложности с построением собственной семьи в будущем; возможно, неадекватные полоролевые стереотипы.

Исследования неполных семей в России немногочисленны и часто носят чисто прикладной характер. Иногда фактор типа семьи учитывается как сопутствующий в исследованиях, посвященных другим вопросам. Те же исследования, которые прицельно исследуют неполную семью, чаще всего предвзяты, т.к. изначально постулируют, что неполная семья – это плохо. Интересно, что в случае, когда неполная семья не является предметом специального изучения, качество работы может оказаться значительно выше. В качестве примера можно привести статью О.Г. Калиной, А.Б. Холмогоровой [6]. В статье приводится обзор работ, связанных с влиянием взаимодействия отца с ребенком на его психологическое благополучие, причем впервые учитывается не только реальное взаимодействие, но и образ, создаваемый ребенком. Для диагностики представлений была разработана оригинальная полупроективная методика, которая подтвердила влияние обоих факторов. В частности, для старших подростков-юношей отсутствие в семье отца несущественно отражается на их маскулинности, если при этом образ отца у юношей позитивен.

Данная статья приведена как пример принципиально другого подхода к исследованию неполных семей, по сравнению с тем, что распространен в России. Ос-

новным типом дизайна исследования, в независимости от изначальных теоретических позиций автора, было сравнение групп подростков из полных и неполных семей по тем или иным психологическим показателям. Именно по такому принципу были построены и исследования автора данной статьи. Этот подход согласуется и с выводами зарубежных исследователей. Таким образом, хотелось бы выдвинуть теоретическую гипотезу дальнейших исследований и наметить возможные пути для проверки этой гипотезы. Гипотеза: *индивидуально-личностные особенности подростков в большей мере связаны с представлениями подростков о семейном функционировании, чем с формальным типом семьи.* Сказанное не означает, что в исследованиях немедленно необходимо отказываться от формального критерия. Мы хотим лишь подчеркнуть, что психологические критерии разделения семей должны занять прочное место в исследовательской практике. Исследования представлений можно вести по целому ряду направлений. Нам представляется перспективным исследование осознанных и неосознанных представлений о тактиках семейного воспитания и соотнесение их с психологическими характеристиками подростков с учетом пола, возраста и типа семьи испытуемых.

Объектом исследования стали подростки из полных и неполных семей, предметом – индивидуально-личностные особенности подростков. Цель исследования: изучение различия в уровне выраженности индивидуально-личностных характеристик подростка в зависимости от типа семьи и стилей семейного воспитания.

Нами были использованы следующие методики: рисунок семьи, рисунок будущей семьи, опросник «Родители глазами подростка» (только оценка матери), опросник «Уровень субъективного контроля», опросник «Суверенность психологического пространства». Указанные методики позволяют оценить и сравнить как осознанные, так и неосознанные индивидуально-психологические особенности подростков.

Выборку исследования составили 325 подростков из двух московских школ. Возраст испытуемых от 13 до 16 лет. В исследовании приняли участие 148 мальчиков, 177 девочек. Из них 219 выросли в полных семьях, 106 – в неполных. Таким образом, выборка состояла из 102 мальчиков и 117 девочек из полных семей, 46 мальчиков и 60 девочек из неполных семей. Состав выборки позволяет проводить сравнение отдельно по полу испытуемых и типу семьи, а также сравнивать любую из подгрупп выборки с любой другой.

Для формализации данных, полученных при помощи рисунков, была проведена процедура экспертной оценки. Все рисунки оценивались 5 экспертами по следующим параметрам: «уровень самооценки ребенка», «соответствие полосоциальным ролям», «позитивный интерес матери», «враждебность матери», «директивность матери», «уровень протроенности границ».

Данные, полученные при помощи опросников, обрабатывались согласно ключам. Далее проводилось сравнение выраженности признака в зависимости от типа семьи. Для проверки гипотезы исследования нами были выделены контрастные группы по субшкалам опросника «Родители глазами подростка». Стандартные оценки 1 и 2 обозначались как «низкие», стандарт-

ные оценки 4 и 5 – как «высокие». Испытуемые с оценкой 3 исключались из рассмотрения.

Обработка данных проводилась при помощи статистической программы STATISTICA 6.0.

В зависимости от типа семьи были выявлены следующие различия: в неполных семьях вне зависимости от пола выше показатели по шкалам «Автономность» и «Непоследовательность» опросника «Родители глазами подростка». Мальчиками из неполных семей воспитание воспринимается как более непоследовательное. По остальным шкалам различия отсутствуют. Результаты согласуются с полученными нами ранее данными.

Напомним, что непоследовательность воспринимается сыновьями-подростками как чередование таких психологических тенденций, как господство силы и власти, покорность. Как нам представляется, основной причиной колебаний в воспитательном процессе является именно отсутствие в семье второго родителя (отца). Мать вынуждена совмещать в себе эти две роли. В то же время именно в неполной семье диктат власти матери (шкала «Автономность») воспринимается подростками как абсолютный. Возможно, это связано с тем, что вместе с физически отсутствующим отцом отсутствует и психологический «буфер». Происходит нарушение базовой триангуляции. Стоит обратить внимание, что отсутствуют различия по шкалам «позитивного интереса» и «директивности» у подростков вне зависимости от пола. И в полных, и в неполных семьях данные показатели достаточно высокие. Тип семьи не связан с уровнем позитивного интереса. Других различий по шкалам опросников выявлено не было. При сравнении рисунков были выявлены следующие различия: у мальчиков из неполных семей выше уровень выраженности характеристик «позитивный интерес матери» и «уровень простроенности границ» на рисунках семьи, по сравнению с мальчиками из полных семей. У девочек из полных семей выше оценки по характеристике «соответствие полосоциальным ролям» на рисунке семьи по сравнению с девочками из неполных семей. Напротив, у девочек из неполных семей выше показатели по характеристике «позитивный интерес матери» на рисунке будущей семьи, по сравнению с девочками из полных семей.

Результаты сравнения контрастных групп. Рисунки семьи и будущей семьи. У испытуемых с высокими показателями по параметру «уровень самооценки» рисунка семьи выше оценки по шкале непоследовательности опросника «Родители глазами подростка». Испытуемые с более высокой самооценкой представляют воспитательные тактики матери как более непоследовательные.

У испытуемых с более высокими оценками по параметру «Соответствие полосоциальным ролям» рисунка семьи ниже показатели по шкалам «Враждебность» и «Непоследовательность» опросника «Родители глазами подростка». Таким образом, подростками, более четко представляющими границы и возможности своего пола, а также имеющими четкое представление о полосоциальных ролях своих родителей, материнское воспитание воспринимается как менее враждебное и более последовательное. Враждебность в отношениях с матерью подразумевает излишнюю агрессию и стро-

гость, что не является типичной женской ролью, так что результат представляется вполне закономерным. Также, по всей видимости, и отсутствие чередований агрессии и покорности свидетельствует о стабильном распределении полосоциальных ролей в семье.

У испытуемых с более высокими оценками по параметру «соответствие полосоциальным ролям» выше показатели по шкале «Интернальность в области межличностных отношений» опросника «Уровень субъективного контроля». Данный результат укладывается в нашу общую гипотезу о приоритетной связи внутрисемейного функционирования и психологических характеристик. Логично, что в семье со стабильными полосоциальными ролями ребенок способен брать на себя ответственность за построение собственных межличностных отношений.

Результаты сравнения контрастных групп. Опросник «Родители глазами подростка». У испытуемых с более высокими показателями по шкале позитивного интереса выше показатели по всем шкалам опросника «Суверенность психологического пространства» и всем шкалам опросника «Уровень субъективного контроля», кроме шкал Им, Из. Данный результат представляется нам абсолютно закономерным. Если тактики материнского воспитания на сознательном уровне представляются подростком как более принимающие, поддерживающие, заинтересованные, то логичным является более высокий уровень простроенности границ на уровне суверенности психологического пространства. Также подростки с более высокими оценками по данной шкале в большей степени способны брать на себя ответственность практически во всех сферах жизни. Исключения, возможно, объясняются следующим образом: при постоянном позитивном отношении в семье могут возникать подобные ожидания и в межличностных отношениях в других социальных группах, чего не происходит.

У испытуемых с более низкими оценками по шкале «Директивность» выше показатели по всем шкалам опросника «Суверенность психологического пространства», а также по шкалам Ио, Ид, Ин опросника «Уровень субъективного контроля». По данной шкале мы видим обратную картину, также укладывающуюся в общую концепцию. Если материнское воспитание воспринимается как менее контролирующее (для девочек) и менее навязывающее чувство вины (для мальчиков), то собственные границы представляются как более простроенные. С данной шкалой опросника «Родители глазами подростка» связаны три шкалы опросника «Уровень субъективного контроля»: общая интернальность, интернальность в области достижений и интернальность в области неудач. Это шкалы действия. То есть подросток, воспринимающий воспитание как менее директивное, не склонен перекладывать на других ответственность за события, происходящие в его жизни. В семье над ним не существует жесткого контроля и ему не навязывается чувство вины, и в значимых для себя ситуациях он также принимает ответственность за успехи на себя и не отказывается от ответственности за неудачи.

У испытуемых с более низкими показателями по шкале «Враждебность» выше показатели по характеристике «соответствие полосоциальным ролям» на рисунках семьи и будущей семьи, характеристике «гра-

ницы» на рисунке семьи, параметре «самооценка» на рисунке будущей семьи. Хочется особенно подчеркнуть этот результат. Целью использования проективных методик в нашем исследовании было сравнение осознанных и неосознанных представлений подростков о внутрисемейном функционировании. В большинстве случаев были получены данные только по опросникам. В данном случае мы видим взаимосвязь осознанных и неосознанных представлений. Данный результат также закономерен. Если подростки воспринимают воспитательные тактики матери как менее агрессивные и чрезмерно строгие (для мальчиков) и менее отгороженные от семейной среды и от детей (для девочек), то неосознанные представления об адекватности полосоциальных ролей выше, а также более четко простроены границы и выше самооценка ребенка.

Также у испытуемых с более низкими оценками по шкале «Враждебность» выше показатели по всем шкалам опросника «Суверенность психологического пространства», шкалам Ио, Ид, Ис, Ип, Им опросника «Уровень субъективного контроля».

У испытуемых, которые воспитательные тактики матери представляют как менее враждебные, выше уровень суверенности психологического пространства.

У испытуемых с более высокими оценками по шкале «Автономность» выше показатели по шкалам СПП, СВ, СП, СС, СЦ опросника «Суверенность психологического пространства». Если воспитание воспринимается как более директивное, не терпящее никаких возражений (для мальчиков) и абсолютно независимое от желаний и состояний ребенка (для девочек), то выше уровень суверенности психологического пространства. При автономности матери, т.е. независимости от ребенка в самом широком смысле (как негативном, так и позитивном), можно говорить, в том числе, о простроенности границ. Так что неудивительным представляется, что у испытуемых с более высокими показателями по данной шкале выше показатели по шкалам опросника СПП. Интересно отметить, что речь идет только об осознанных представлениях. Параметр оценки рисунка в данном случае не показывает различий. Также отметим, что данная шкала никак не связана с опросником уровня субъективного контроля.

У испытуемых с более низкими оценками по шкале «Непоследовательность» выше оценки по всем шкалам опросника «Суверенность психологического пространства», что указывает на то, что в случае, если воспитательные тактики воспринимаются как менее нестабильные, уровень суверенности психологического пространства становится более высоким.

У испытуемых с более низкими оценками по шкале «Непоследовательность» выше оценки по шкалам Ио, Ид, Ис, Ип опросника «Уровень субъективного контроля». Таким образом, если воспитание воспринимается как достаточно последовательное, то подростки готовы принимать на себя ответственность за себя, свои достижения, за отношения в семье и школе. Если же за один и тот же поступок может последовать как поощрение, так и наказание, то становление ответственной позиции за собственную жизнь затруднено.

Из всего вышесказанного можно сделать следующие выводы:

1. У подростков из полных и неполных семей существуют различия в индивидуально-личностных характеристиках. Различия носят незначительный характер и имеют специфику в зависимости от пола подростка. Так, мальчики из неполных семей, по сравнению с мальчиками из полных семей, на сознательном уровне представляют материнское воспитание как более непоследовательное. На неосознанном уровне материнское воспитание представляется как более позитивное. У девочек из полных семей лучше выстроены представления о типичных полосоциальных ролях по сравнению с девочками из неполных семей. В неполных семьях подростки вне зависимости от пола воспринимают воспитательные тактики матери как более автономные и непоследовательные.

2. Существует ряд взаимосвязей представлений о тактиках семейного воспитания и индивидуально-личностных характеристик подростков. У испытуемых, которые воспринимают материнское воспитание как более позитивное, лучше простроено психологическое пространство личности, они являются более ответственными. Также высокий уровень простроенности границ и высокий уровень ответственности за свою жизнь характерны для подростков, которые воспринимают воспитательные тактики матери как менее директивные и враждебные.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Т. Семейная психология. СПб., 2004.
2. Варга А.Я. Системная семейная психотерапия. СПб., 2001.
3. Харламенкова Н.Е. Роль отца в дифференциации гендерной идентичности // Психологический журнал. 2007. Т. 28, № 3. С. 56–64.
4. Paul R. Amato. Life-Span Adjustment of Children to their Parent's Divorce. The future of Children // Children and divorce. Spring. 1999. Vol. 4, № 1.
5. Фигдор Г. Дети разведенных родителей. М.: Наука, 1995.
6. Калина О.Г., Холмогорова А.Б. Влияние образа отца на эмоциональное благополучие и полоролевую идентичность подростков // Вопросы психологии. 2007. № 1. С. 15–26.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 24 февраля 2009 г.